

Ж.-П. АРИНЬОН

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ
В СЕРЕДИНЕ X В. И КРЕЩЕНИЕ КНЯГИНИ ОЛЬГИ

Отношения между Византией и молодым Русским государством в церковной, экономической и политической сфере начались, по-видимому, с 860 г., после осады россами Константинополя¹. Они привели вначале к посылке на Русь патриархом Фотием епископа в 867 г.², затем к заключению торговых договоров 911 и 944 гг.³ и, наконец, к посещению княгиней Ольгой Константинополя, где она была принята в 957 г. императором Константином VII Багрянородным и императрицей Еленой. Последнее событие, связываемое в некоторых источниках с крещением Ольги, несколько десятилетий составляет предмет полемики историков, особенно дата и место крещения русской княгини⁴. Нам кажется поэтому правомерным новое исследование, основанное на повторной интерпретации всех источников.

Наряду с такими современными свидетельствами, как рассказ Константина VII в сочинении «О церемониях византийского двора»⁵ или сообщение Продолжателя Хроники Регинона Прюмского⁶, нужно принять во внимание и более поздние византийские хроники Скилицы — Кедрина⁷ и Зонары⁸, а также русские источники, Киевскую летопись, так называемую летопись Нестора⁹ и Память и похвалу князю Владимиру мниха Иакова¹⁰.

¹ Shepard J. Some Problems of Russo-Byzantine Relations, c. 860—1050. — The Slavonic and East European Review, 1974, 52, p. 10—33.

² Halperin C. J. Now you see them, now you don't. A note on the first Appearance of the Rhos (Rus') in Byzantium. — Canadian American Slavic Studies, 1973, 7, p. 494—497.

³ Sorlin I. Les traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle. — Cahiers du monde russe et soviétique, 1961, 2, p. 447—465.

⁴ Изложение основных положений см.: Laehr G. Die Anfänge des russischen Reiches. Berlin, 1930, S. 103—106; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 222—237; Острогорский Г. Византия и киевская княгиня Ольга. — In: To Honor R. Jakobson. Essays on the Occasion of his seventieth Birthday. La Haye; Paris, 1967, 2, p. 1458—1473; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 66—68, 119—121; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, с. 64—72.

⁵ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo/Rec. I. I. Reiske, Bonnae, 1829, 1 (далее — De cerimoniis), p. 595—598.

⁶ Reginonis abbatis Prumensis Chronicon cum continuatione Treverensi/Rec. Fr. Kurze. Hannover, 1890, p. 170—172.

⁷ Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emendatus. Bonnae, 1839, 2, p. 329.

⁸ Ioannis Zonarae. Epitomae historiarum libri XIII—XVIII/Ed. Th. Büttner-Worbst. Bonnae, 1897, p. 484—485.

⁹ Повесть временных лет. М.; Л., 1950, I (далее — ПВЛ), с. 44—46. Англ. пер. см.: Cross S. H., Sherbowitz-Wetzor O. P. The Russian Primary Chronicle. Laurentian Text. Cambridge, Mass., 1953 (далее — RPC), p. 82—84; см. также: Szeftel M. The Russian Primary Chronicle. Laurentian Text. — Speculum, 1955, 25, p. 257—267; Szeftel M.

Уже Г. А. Острогорский отметил, что вопрос о крещении Ольги в специальной литературе сводился в сущности к тому, какое значение придавалось соответствующему свидетельству каждого источника или каждой группы источников: следует ли, таким образом, для локализации крещения Ольги в Константинополе или Киеве принять в пользу первой гипотезы свидетельство немецкой хроники и русских источников или же вывести вторую из факта отсутствия в сочинении «О церемониях византийского двора» всякого упоминания о крещении в Константинополе? ¹¹ Мы рассмотрим проблему несколько иначе: вместо того чтобы противопоставлять источники, и особенно «О церемониях» — Хронике Продолжателя Регинона Прюмского, составленные современниками, принимавшими участие в описываемых событиях, мы рассмотрим, в какой мере и как они дополняют друг друга. Такой подход приводит нас к тому, чтобы сначала представить всю совокупность источников (их можно разделить на три группы — греческую, латино-германскую и русскую), затем исследовать два достоверно известных события — поездку Ольги в Константинополь в 957 г. и отправку русского посольства во Франкфурт-на-Майне к Оттону в 959 г.; подытожив наши знания об этих двух событиях, мы попытаемся датировать и локализовать крещение Ольги.

Первая группа источников включает в себя прежде всего трактат «О церемониях византийского двора», составленный в 958—959 г. ¹², в котором Константин VII подробно рассказал о приемах, устроенных им в честь княгини Ольги во время ее пребывания в Константинополе в конце 957 г. Отметим в этом свидетельстве три важных момента:

1. Представительная русская делегация, возглавляемая «*архонтиссой* Эльгой», была принята в Константинополе в 957 г. Она имела в своем составе, кроме восьми придворных слуг, племянника княгини, личных представителей князя-наследника Святослава, 20 или 22 купца, священника Григория и двух переводчиков.

2. Русской княгине оказывали исключительные знаки внимания: после официального представления при дворе *архонтиссе* пригласили в покои императрицы, где с разрешения императора ей позволили сесть и беседовать с ним; кроме того, как владетельную государыню, ее не заставили совершить тройной проскинесис — она ограничилась лишь легким наклоном головы; ее посадили за императорский стол и, наконец, одарили богатыми дарами, составившими в целом 700 милиарисиев (около 60 номисм) ¹³.

3. Константин VII ничего не говорит ни о частных беседах, которые он имел со своей гостьей, ни о причинах, которые привели русскую делегацию в Константинополь.

4. Не сделано никакого намека на крещение *архонтиссы*, называемой исключительно ее языческим именем Эльга.

К этому свидетельству нужно также добавить сообщение более поздних греческих хронистов — Скилицы — Кедрина (XI в.) и Зонары (XII в.). Их рассказы совпадают почти дословно — в такой степени, что их можно рассматривать как один и тот же источник.

Russians Institutions and Culture up to Peter the Great. London, 1975. Франц. пер. см.: Marichal R. Premiers chrétiens de Russie. Paris, 1966, p. 41—46.

¹⁰ Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1901, т. 1, первая половина тома, с. 241—242.

¹¹ Острогорский Г. Указ. соч., с. 1459—1460.

¹² Vogt A. Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies Commentaire. Paris, 1935, p. XXVII.

¹³ В эпоху, когда Филофей составил свой трактат (Клиторологий) (сентябрь 899 г.), 12 милиарисиев были равны одной номисме; см.: Oikonomides N. Les listes de préséance byzantines des IXe—Xe siècles. Paris, 1972, p. 228, n. 279. Русская княгиня в первый раз получила 500 милиарисиев от императора, а затем 200 — от императрицы, т. е. всего 700 милиарисиев, или 60 номисм.

Мы отметим здесь три момента:

1) отсутствие указания о времени прибытия *архонтиссы* в Константинополь¹⁴;

2) объединение двух элементов: прибытие в императорский город Эльги, еще язычницы, вдовы русского князя, военная и морская деятельность которого представляла угрозу для империи¹⁵, и ее крещение;

3) постоянное употребление для обозначения русской княгини только языческого имени *Эльга*.

В качестве современного исследуемым событиям источника можно рассматривать рассказ Продолжателя Региона Прюмского, который с небольшими вариантами был воспроизведен в большинстве западных хроник конца X—начала XI в.: вероятно, речь идет о прямом свидетельстве, поскольку его автором является, по-видимому, Адальберт, архиепископ Магдебурга, главный участник событий, о которых он сообщает¹⁶. Действительно, в 953—958 гг. он жил при дворе Оттона, где исполнял обязанности «королевского нотариуса», затем удалился в Трирский монастырь св. Максимиана, откуда вышел только в 961 г. в связи с посвящением в епископы и отъездом на Русь. Под 959 г. он сообщает сведения, вероятно, переданные его предшественниками из королевского окружения, которых можно считать хорошо информированными, а под 962 г. — собственные воспоминания.

Мы отметим в его свидетельстве четыре момента:

1) в 962 г. *regina Rugorum*¹⁷ была крещена в Константинополе в правление императора Романа II; тогда она получила христианское имя Елена;

2) Ольга-Елена отправила к Оттону Великому посольство, вероятно, с просьбой о епископе и священниках;

3) вопрос о назначении этого епископа породил интриги в германских церковных кругах;

4) в конце 961 или начале 962 г. Адальберт столкнулся на Руси с враждебным к себе отношением и с трудом выбрался из этой страны.

Третья, русская группа источников на первый взгляд содержит более всего подробностей. Прежде всего Киевская летопись излагает под 6463 (955) г. красочный рассказ, основанный, видимо, на двух разных источниках: один, церковного содержания, ограничивается известием о поездке и крещении русской княгини и приводит отрывок из проповеди патриарха, другой приписывает Ольге требование стать крестницей императора, затем ловкость, с которой она использует это, чтобы избежать матримониальных притязаний Константина VII, и вспоминает, наконец, о долгом ожидании, к которому ее будто бы принудили византийцы, прежде чем ее принял император¹⁸.

¹⁴ Согласно А. Е. Преснякову (Лекции по русской истории, I. Киевская Русь. М., 1938, с. 82), нужно обратить внимание на 955 г. в связи со свидетельством Скилицы, которое не датирует крещения Ольги, но относит его к правлению патриарха Феофилакта, умершего, по мнению Преснякова, в 969 г., на самом же деле — 27 февраля 956 г.; см.: *Muralt E. de. Essai de chronographie byzantine pour servir à l'examen des annales du Bas-Empire et particulièrement des chronographes slaves de 395 à 1054. St.-Petersbourg, 1833, p. 826.* Эту деталь следует принять с оговоркой: в действительности в заметке Скилицы-Кедрина о Феофилакте нет ни малейшего намека ни на Ольгу, ни на ее возможное крещение.

¹⁵ По-видимому, именно угроза новой войны с русскими была причиной заключения договора 944 г. между Игорем и Византией; см.: *Vernadsky G. Kievan Russia. New-Haven; Londres, 1973, p. 34—38.*

¹⁶ *Алпатов М. А. Указ. соч., с. 66—67.*

¹⁷ О различных гипотезах, высказанных по поводу идентификации этой княгини, см.: *Левченко М. В. Указ. соч., с. 233.*

¹⁸ *Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 111—114; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. — ЧОИДР, кн. 3, 1915, с. 7. Положения А. А. Шахматова недавно были подтверждены О. В. Твороговым; см.: Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий). — ТОДРЛ, 1976, 30, с. 3—26.*

Этот дипломатический карантин, опровергаемый современными событиями источником — «О перемониях византийского двора»¹⁹, заставляет нас поставить вопрос об исторической ценности Киевской летописи. Д. С. Лихачев указал по этому поводу, что «Повесть» содержит шесть рассказов, которые характеризуются тематической однородностью и стилистическим единством: их предметом является христианизация Руси; эти шесть текстов — крещение княгини Ольги, ее кончина, расправа с первыми мучениками, крещение Руси Владимиром, убийство Бориса и Глеба, похвала Ярославу Мудрому — по-видимому, были произведением одного автора²⁰. Сказание об Ольге, помещенное произвольно под 6463 (955) г., в хронологический разрыв между 6456 и 6471 гг.²¹, вероятно, было включено в древнейший свод Киевской летописи, составленный в 1037 г. в кругу книжников Ярослава²². Однако думается, что вначале это сказание было более кратким, чем дошедший до нас текст, окончательная редакция которого датируется 1096 г. Действительно, вероятно, только «церковный» рассказ был переписан в 1037 г.; три политических эпизода — император как крестный отец Ольги, предложение вступить в брак, дипломатический карантин — являются как будто отражением более или менее искаженных легенд: например, долгое ожидание Ольги и всей русской делегации, быть может, напоминает обыкновение византийцев заставлять русских купцов, прежде чем позволить им войти в Константинополь²³; предложение вступить в брак, сделанное княгине императором, также слишком явно противоречит, как мы это увидим ниже, тому, что мы знаем о матримониальной политике византийского двора, чтобы можно было это принять буквально.

Одна деталь, сообщенная «церковным» рассказом и отсутствующая в других источниках, должна привлечь наше внимание: важная роль, приписанная патриарху, в крещении Ольги. Этот штрих отражает, по нашему мнению, положение церкви на Руси в первой половине XI в.²⁴, когда отношения между Константинополем и Киевом были настолько напряженными, что это вылилось в войну 1043 г. — «последний русский поход против Константинополя»²⁵, который привел к отказу князя от всякой императорской potestas по отношению к его стране²⁶. Но это не поставило под сомнение иерархическую власть патриарха, признанную русскими с конца X в. (незадолго до 1039 г. в Константинополе был посвящен новый греческий митрополит для Руси — Феопемпт). Эта практика оправдания настоящего прошлым не единична в русской литературе XI в., как показывают сказания о Борисе и Глебе (убитых в 1015 г.), имевшие целью поднять престиж Ярослава Мудрого²⁷. Возникает вопрос, не попытался ли составитель, вспоминая о крещении Ольги, представить отношения между Русью и Византией не в плане политической субординации²⁸ — как раз в тот момент, когда в Константинополе содействовали

¹⁹ Как это недвусмысленно показывает выражение ἐπὶ τῇ ἐφ'ᾧ, «после их прибытия»; см.: De cerimoniis, p. 594.

²⁰ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 65—66; эта гипотеза была взята под сомнение Н. Н. Ильиным (Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957, с. 7).

²¹ Повесть, с. 44, 46; RPC, p. 82—84.

²² Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 58—76.

²³ Sorlin I. Op. cit., p. 456.

²⁴ Müller L. Zum Problem des hierarchischen Status und der juridiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln, 1959, S. 84.

²⁵ Poppe A. La dernière expédition russe contre Constantinople. — BS, 1971, 22, p. 1—29, 233—268.

²⁶ Wasilewski T. La place de l'Etat russe dans le monde byzantin pendant le haut moyen âge. — Acta Poloniae Historica, 1970, 22, p. 43—51.

²⁷ Fennell J., Stokes A. Early Russian Literature. London, 1974, p. 13—14.

²⁸ Dvornik Fr. Byzantine Political Ideas in Kievan Russia. — DOP, 1956, 9—10, p. 95—96; Poppe A. Op. cit., p. 233, n. 85.

«возрождению византийского универсализма»²⁹, — а лишь в границах канонической зависимости от вселенского центра; русский князь отвергает императорскую *potestas*, но в религиозном вопросе признает *auctoritas* императора и главным образом патриарха, что хорошо показывает наш текст.

Другой документ русской группы — «Память и похвала князю Владимиру», написанная около 1070 г. монахом Иаковом. Мы выделим в ней три основных момента:

1) отмеченная божественной благодатью Ольга решает отправиться в Константинополь, чтобы принять там крещение;

2) она получает христианское имя Елена;

3) она жила после крещения 15 лет и скончалась 11 июля 6477 (969) г.

А. А. Шахматов отметил, что отрывок об Ольге, вероятно, был взят из ее похвалы и интерполирован в текст похвалы ее внука Владимира³⁰. Эту гипотезу можно подкрепить другим наблюдением: в то время как произведения середины XI в. Повесть, Похвала Владимиру и «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона³¹ проводят постоянную параллель между Ольгой-Еленой и Еленой, матерью Константина Великого, фрагмент похвалы Ольге ограничивается упоминанием имени Елены без какой бы то ни было ссылки. Однако византийская традиция требовала, чтобы неопит принимал при крещении имя своего крестного или вместо него — жены последнего; например, Борис Болгарский принял имя Михаил в честь императора Михаила III³², Владимир-Василий — в честь Василия II³³. Ольга, по-видимому, получила имя Елена в честь жены Константина VII в соответствии с достаточно распространенным обычаем, чтобы автор похвалы Ольге счел нужным его не упомянуть; зато параллель между Константином Великим, с одной стороны, и Владимиром и его бабушкой Ольгой — с другой, является литературным клише XI в. Ее отсутствие в похвале Ольги подтверждает большую древность этого произведения. Оно могло быть составлено после крещения Владимира и сооружения в Киеве церкви, посвященной богородице, — Десятинной, где, согласно автору текста, покоилось нетленное тело святой³⁴; однако эта церковь была закончена в 996 г., а тело перенесли туда, быть может, в 1007 г.³⁵ Следовательно, составитель древнейшего свода 1037 г. имел перед собой, вероятно, эту похвалу, где нашел одну деталь: Ольга жила после своего крещения 15 лет. Поэтому, можно думать, он поместил свой рассказ под 6463 г., поскольку о смерти Ольги сообщается в 6477 г. Хронология Повести, как и Памяти и похвалы, по-видимому, зависит от хронологии и похвалы Ольге. К сожалению, у нас нет возможности проверить точность цифры 15, приведенной, по крайней мере, через 40 лет после смерти княгини и с большей или меньшей точностью переданной рукописной традицией³⁶. К этому второму источнику, следовательно, тоже надо относиться осторожно.

Действительно, русские источники XI в. доносят до нас только эхо, возможно, очень искаженное, событий, засвидетельствованных современными греческими или латинскими источниками, а именно поездки Ольги в Константинополь и ее крещения в императорском городе, относя

²⁹ *Ahrweiler H.* L'idéologie politique de l'Empire byzantin. Paris, 1975, p. 40.

³⁰ *Шахматов А. А.* Указ. соч., с. 13—18.

³¹ *Müller L.* Des Metropolitens Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubenskenntnis. Wiesbaden, 1969, S. 118.

³² *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1453. New York; Washington, 1971, p. 85.

³³ *Ibid.*, p. 198.

³⁴ ПВЛ, с. 85; RPC, p. 120—121.

³⁵ *Голубинский Е. Е.* Указ. соч., с. 84.

³⁶ *Щенкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967, с. 149—150. Эту хронологию, однако, воспринял Г. Острогорский, который относит крещение в Киеве к 955 г. (указ. соч., с. 1405—1466).

последнее событие ко времени до 9 ноября 959 г. — даты кончины Константина Багрянородного. Единственное новое и, вероятно, достоверное известие, которое сообщают эти источники, — принятие Ольгой при крещении имени Елена в честь правящей императрицы. Что же касается других подробностей, сообщаемых этими текстами, в частности Повестью, их можно принять только после критического сопоставления с другими источниками. Это мы и попытаемся сделать, исследуя вопрос о поездке русской княгини в Константинополь.

В конце лета 957 г. (а не в апреле этого года) ³⁷ русская княгиня Ольга прибыла в Константинополь во главе представительной делегации. Ее состав, упомянутый выше, был очень близок к составу посольства, прибывшего для обсуждения договора 944 г., в котором тоже были 21 представитель князей, 19 купцов, но ни одного священника ³⁸. Обе русские делегации были, очевидно, официальными посольствами. Поэтому гипотеза Е. Е. Голубинского, согласно которой Ольга предприняла поездку, чтобы «удовлетворить свою любознательность» ³⁹, маловероятна; с другой стороны, исключив всякий мотив религиозного характера, исходя из того, что Константин VII считал Ольгу языческой княгиней, эту поездку можно объяснять только двумя причинами: торговой или политической.

Первая причина обосновывалась В. В. Мавродиным: Ольга будто бы воспользовалась купеческим караваном, который каждую весну отправлялся из Киева (это как будто подтверждается тем, что она прибыла в Константинополь летом), для нового обсуждения договора 944 г., расцененного как невыгодный для русских, во всяком случае, менее выгодный, чем договоры 907 и 911 гг. ⁴⁰ Но известно, что договор 944 г. воспроизвел главное из положений договора 907 г. и что два единственных ограничения последнего договора были вызваны не желанием византийцев пойти на уступки, сделанные русским в 907 г., а необходимостью применения нового, более строгого торгового законодательства, введенного при Романе Лакапине; последнее, однако, еще не гарантировало русским важных торговых привилегий ⁴¹. Следовательно, гипотеза В. В. Мавродина может быть принята с трудом.

Зато наряду с торговыми статьями договор 944 г. содержал и политические статьи: так ст. 10 предусматривала военную помощь русских против черных болгар ⁴², тогда как ст. 7 оговаривала неприкосновенность византийской территории Херсона и обещала русскому князю военную помощь Византии для обеспечения безопасности в этом районе. Д. Л. Талис увидел здесь создание византийско-русского союза, направленного против хазар ⁴³. Если эта интерпретация точна, то мы имеем налицо поворот византийской дипломатии; сам Константин VII в трактате «Об управлении империей», составленной в 948—953 гг. для политического образования своего сына Романа, представляет союз с печенегами как основу политического равновесия в этих районах по отношению к русским, венграм и болгарам.

Первая попытка изменения указанной политической ориентации была сделана в 927 г.: в том году священник Гавриил был послан с миссией к венграм, чтобы направить их на завоевание от имени Византии страны печенегов ⁴⁴. Конечно, это было неудачей, и, вероятно, в этом причина

³⁷ *Manteuffel T.* Les tentatives d'entraînement de la Russie de Kiev dans la sphère d'influence latine. — *Acta Poloniae Historica*, 1970, 22, p. 38.

³⁸ ПВЛ, с. 34—35; RPC, p. 73—74. Франц. пер. И. Сорлен дает неполный список купцов вследствие пропуска одной строки (*Sorlin I.* Op. cit., p. 448).

³⁹ *Голубинский Е. Е.* Указ. соч., с. 78.

⁴⁰ *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945, с. 254.

⁴¹ *Sorlin I.* Op. cit., p. 457—458.

⁴² *Ibid.*, p. 461—462.

⁴³ *Талис Д. Л.* Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. — ВВ, 1958, 14, с. 103—115.

⁴⁴ *Constantine Porphyrogenitus.* De Administrando Imperio, I/ Greek text edited by Gy. Moravcsik, English translation by R. J. H. Jenkins. Washington, 1967 (далее — DAI), p. 56—57.

того, что Константин VII, составляя 20 лет спустя свой трактат о внешней политике, остается верен союзу с печенегами. Однако новая ориентация византийской внешней политики, намеченная в начале X в., была продолжена в течение следующего периода: в 944 г. Византия доверила поддержание порядка в понтийском районе русским, хорошо знающим эту страну⁴⁵. Поэтому исключительные знаки внимания, оказанные Ольге и ее свите во время двух больших приемов в 957 г., означают, по нашему мнению, завершение медленной политической эволюции, в ходе которой в конечном счете должен был пострадать союз с печенегами. Делая официальным новое место, занятое Русью в иерархии государств середины X в., Византия лишь подтвердила роль, которую было призвано сыграть молодое Киевское государство в причерноморских степях. Случай для этого вскоре представился: русские Тавриды под угрозой натиска хазар или печенегов действительно призвали на помощь не византийцев, а русских из Киева, более близких им по образу жизни⁴⁶, а главным образом, думается, потому, что поддержание status quo в этих районах отныне было вверено киевским князьям; и в этом же ряду следует поместить поход Святослава против хазар в 964 г.⁴⁷

Присутствие священника Григория в русской делегации объясняется легко. Как и его собрат Гавриил, а веком раньше Константин-Кирилл и Мефодий, Григорий входил в ту категорию дипломатов-клириков, которых императорский двор часто использовал для ведения дипломатических переговоров. Григорию, вероятно, было поручено разработать с русскими такую систему взаимоотношений, в которой их государство должно было бы играть главную роль. Таким образом, прибытие в Константинополь представительного русского посольства находит свое оправдание — санкционировать соглашение, подготовленное Григорием, и торжественно признать главное место, отныне занимаемое Русью в дипломатической расстановке в Северном Причерноморье. Но для этого с русской точки зрения было необходимо заключить официальный, т. е. матримониальный, союз.

В самом деле, варварские князья рассматривали личный союз с правящей династией как признание Византией их суверенных прав: в 913 г. Симеон Болгарский снял осаду Константинополя, получив обещание, что одна из его дочерей выйдет замуж за императора Константина, обещание, которое императрица Зоя не сдержала, что вызвало вторжение Симеона во Фракию и взятие Адрианополя⁴⁸. Лиутпранд, епископ Кремонский, прибыл в 968 г. в Константинополь, также помогаясь руки одной из принцесс для сына императора Оттона I, но получил высокомерный отказ⁴⁹. По этому вопросу позиция императорского двора была определена самим Константином VII в сочинении «Об управлении империей», где он решительно осуждает браки членов императорской семьи с варварскими правителями, среди которых правители хазар, венгров и русских более всего к этому стремились⁵⁰. Поэтому не удивительно, что Константин ни слова не говорит о русском проекте. Зато воспоминание об этом проекте могло сохраниться в Киеве и дойти до составителя свода 1096 г. в фантастическом виде, конечно, благоприятном для русских. Действительно, настолько же невероятно, что вдовой Ольге было сделано предложение о браке с женатым императором, насколько правдоподобно,

⁴⁵ *Ahrweiler H.* Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle. — Association internationale des études byzantines. Bulletin d'information et de coordination. Athènes; Paris, 1971, 5, p. 68—69; *Eadem.* Byzance: les pays et les territoires. London, 1976.

⁴⁶ *Ahrweiler H.* Les relations entre les Byzantins et les Russes, p. 69.

⁴⁷ *Vernadsky G.* Op. cit., p. 43.

⁴⁸ *Obolensky D.* Op. cit., p. 108—109.

⁴⁹ *Liutprand*, évêque de Crémone. Relatio de legatione Constantinopolitana/Ed. par I. Bekker. Hanover, 1915, p. 184.

⁵⁰ DAI, p. 70—73.

что русская княгиня попыталась получить руку дочери императора для своего сына Святослава, представители которого находились в ее свите; Ольга тогда стала бы свекровью багрянородной принцессы и могла получить высшее придворное женское звание «опоясанной патрикии»⁵¹. Однако в сочинении «О церемониях византийского двора» русская княгиня не носит этого титула, но пользуется связанными с ним привилегиями⁵². Вероятно, если матримониальные проекты Ольги не имели успеха, император постарался компенсировать ее, воздавая ей почести, которые она имела бы в случае женитьбы ее сына на византийской принцессе. Кроме того, он пожаловал ей денежную сумму, в три раза большую, чем та, которую она получила бы как опоясанная патрикия в рамках обычных придворных раздач⁵³.

Таким образом, искусно используя императорский этикет, Константин VII постарался сохранить союз с русскими, важнейший в новой византийской политике в понтийских районах, не соглашаясь тем не менее на их матримониальные притязания, противоречащие его принципам. Этот эпизод прекрасно иллюстрирует то, что уже было сказано о «хорошей организации» византийских служб и о «дипломатической ловкости Константина Багрянородного»⁵⁴.

Наконец, последнее уточнение должно быть извлечено из аргумента *silentio*. Отсутствие в сочинении «О церемониях византийского двора» намек на крещение Ольги, по мнению некоторых исследователей, могло быть вызвано тем, что это произведение было лишь сборником протокольных обычаев, без конкретных исторических справок, предназначенным для приемов иностранных делегаций, посещающих византийскую столицу. Конечно, эта книга, помимо других, имела и практическую цель, но неверно утверждать, что она и была написана только с этой целью. Действительно, описание приемов русской делегации, возглавляемой княгиней Ольгой, как показал Г. Острогорский, является историческим документом, отличающимся как по содержанию, так и по форме от аналогичных описаний, имеющих общий и показательный характер⁵⁵. Поэтому упоминание о крещении, если бы оно имело место в Константинополе в 957 г., вполне соответствовало бы характеру этого произведения. Кроме того, его рассказ ясно показывает то значение, которое придавал император в конце своего правления военно-политическому союзу с русскими. В таком случае невозможно представить, чтобы Константин VII, приписывавший себе выдающуюся религиозную роль и рассматривавший себя как «христа среди апостолов»⁵⁶, упустил возможность упомянуть о крещении при его дворе, с его участием в качестве крестного отца, как этого желала бы Повесть, или при участии императрицы, что как будто доказывает выбор имени Елена. Однако Константин VII не знает этого имени и называет, как мы видели, русскую княгиню только ее языческим именем Эльга⁵⁷, тогда как болгарского хана Бориса, крещенного в 863 г. под именем Михаил, Константин VII почти постоянно называет двойным именем Борис-Михаил⁵⁸. С другой стороны, это замечание, на наш взгляд, исключает гипотезу

⁵¹ Guillard R. Contribution à l'histoire administrative de l'Empire byzantin. La patriecienne à ceinture. — BS, 32, 1971, p. 269—275; *Idem*. Titres et fonctions de l'Empire byzantin. London, 1976, 24.

⁵² Острогорский Г. Указ. соч., с. 1471.

⁵³ При этих раздачах опоясанная патрикия получила 20 номисм; см.: *Oikonomidès N.* Op. cit., p. 224—226. Следовательно, дары, поднесенные Ольге, вовсе не были незначительными, но, напротив, подчеркивали, что русской княгине был оказан достойный прием.

⁵⁴ Ahrweiler H. L'idéologie politique, p. 49.

⁵⁵ Острогорский Г. Указ. соч., с. 1465—1466.

⁵⁶ De cerimoniis, I, p. 638.

⁵⁷ Ibid., p. 594.

⁵⁸ DAI, p. 150—151, 154—155.

Г. Острогорского, согласно которой Ольга будто бы была крещена в Киеве в 955 г., до своей поездки в Константинополь ⁵⁹.

Второе достоверное событие — присутствие русского посольства в 959 г. во Франкфурте-на-Майне при дворе Оттона I. Это обращение к королю Германии ⁶⁰ вызвало у историков многочисленные гипотезы. А. Д. Воронов, основываясь на данных Повести, считал, что эта инициатива была вызвана охлаждением отношений между Русью и Византией после неудачи посольства Ольги в Константинополь в 957 г. ⁶¹ Е. Е. Голубинский полагал, что русская делегация не искала на Западе епископа и священника, но имела другую задачу, нам не известную; Оттон тогда якобы воспользовался этим случаем для отправки на Русь епископа, где последнего — не без основания — приняли плохо ⁶². Ф. Я. Фортинский увидел в этой инициативе средство, с помощью которого русские, оказав давление на Константинополь, пытались вырвать некоторые уступки у греков; речь будто бы шла о демонстрации независимости Руси по отношению к Византии. К тому же, добавляет он, в этой позиции Ольги не было ничего оригинального; веком раньше болгарский правитель Борис-Михаил, крещенный по греческому обряду, также обратился к Риму после отказа Константинополя предоставить болгарской церкви автокефалию ⁶³. Эта точка зрения была принята М. Д. Приселковым, который увидел в дипломатическом шаге Ольги следствие неудачной поездки в Константинополь, целью которой якобы было учреждение епископской кафедры в Киевской Руси ⁶⁴. Наконец, Б. Я. Рамм рассматривает эту миссию в общих рамках немецкой наступательной политики против славян и ставит даже вопрос о том, не выдумал ли попросту Адальберт это обращение Ольги к Оттону для оправдания своей миссии в Киеве ⁶⁵.

Прежде всего отметим, что Ольга отправила свое посольство к королю Германии, а не в Рим. Однако создание новой епархии зависело от папы ⁶⁶. Поэтому, например, Борис-Михаил одновременно с посольством к Людовiku II Германскому с просьбой осылке франкских миссионеров (866 г.) отправил послов к папе Николаю I, чтобы попытаться получить патриарха и священников ⁶⁷. Оттон Великий, хотя был уже коронованным императором, ходатайствовал перед папой Иоанном XII в 968 г. о разрешении перегруппировать славянские страны под юрисдикцией епископа Магдебурга. Следовательно, в 959 г. король Оттон не мог удовлетворить своей властью ходатайства русской делегации в том виде, как нам об этом сообщают немецкие источники.

Их внимательное чтение, впрочем, подтверждает следующую точку зрения: вводным предложением *ficte ut post claruit* хронист дает ясно понять, что у русских не было ни большого и искреннего желания принять христианство, ни получить латинскую церковную иерархию. Поэтому, по всей вероятности, Либуций, посвященный в епископы Руси в конце 959 г., задержал отъезд в свою епархию более чем на год, а после его смерти 15 февраля 961 г. его преемник Адальберт, видимо, не считал это назначение почетным, приписывая его интригам майнцского архиепископа. По прибытии в Киев германский миссионер, впрочем, быстро

⁵⁹ Острогорский Г. Указ. соч., с. 1465—1466.

⁶⁰ Оттон Великий стал императором только 2 февраля 962 г., так что Ольга в 959 г. обращалась к королю Германии, а не к императору; ср.: *Vernadsky G. Op. cit.*, p. 41.

⁶¹ Воронов А. Д. О латинских проповедниках на Руси Киевской в X и XI вв. — Чтения в историческом обществе Нестора-летописца, 1879, 1, с. 119—122.

⁶² Голубинский Е. Е. Указ. соч., с. 83.

⁶³ Фортинский Ф. Я. Крещение святого Владимира и Руси по западным известиям. — Чтения в историческом обществе Нестора-летописца, 1889, 2, с. 118—119.

⁶⁴ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XIII вв. СПб., 1913, с. 13.

⁶⁵ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М., 1959, с. 31—39.

⁶⁶ Lot F., Fawtier R. Histoire des institutions françaises au moyen âge. Paris, 1962, III. Les institutions ecclésiastiques, p. 9—12.

⁶⁷ Obolensky D. Op. cit., p. 87.

понял, что все его усилия будут напрасны, и тотчас же отправился в обратный путь.

Таким образом, выявляется явное противоречие, с одной стороны, между недостатком рвения у германских миссионеров и их конечной неудачей, а с другой стороны, наличием ходатайства русского посольства об учреждении латинской иерархии на Руси. Однако это противоречие, кажется, исчезнет, если его связать с важным событием истории Запада второй половины X в. — основанием империи Оттонов. С 951 г. король Германии стремился к императорской короне. Это мероприятие было тщательно подготовлено как внутри, так и вне королевства: заключение тесного союза между монархией и церковью, стремящейся сделать из нее настоящий правительственный орган Reichskirche, оживление — вероятно, под влиянием определенных церковных кругов, прежде всего майнцского архиепископа — миссионерской каролингской традиции⁶⁸. Все это позволяет предположить, что Оттон использовал прибытие русской делегации для того, чтобы отправить в Киев миссионера и показать папе, что он *de facto* осуществляет императорские prerogatives в том виде, как их интерпретировали императоры Запада со времени Карла Великого. Следовательно, как полагал уже Е. Е. Голубинский, миссия Адальберта на Руси представляется главным образом как утверждение императорских притязаний Оттона, а не как результат инициативы русских, что как будто объясняет отсутствие энтузиазма у германских клириков при отъезде на Русь и прием, оказанный Адальберту в стране: христианский клир, находящийся в Киеве⁶⁹, не мог благосклонно смотреть на прибытие латинского епископа.

Кроме того, ситуация в Киеве изменилась: 961—962 гг. были временем языческой реакции, сторонники которой сгруппировались вокруг молодого князя Святослава⁷⁰. Поскольку желание русских получить германского епископа после только что сказанного кажется маловероятным, возникает вопрос: какая миссия была возложена на посольство, отправленное во Франкфурт? Наиболее правдоподобной представляется гипотеза о переговорах по поводу торгового договора, аналогичного тем, которые были заключены между Киевом и Византией с начала X в. Западные источники, действительно, свидетельствуют о значительном торговом обмене между Русью и германским миром в X в. Раффельштеттенский устав, датированный 903—906 гг., доказывает наличие торговой деятельности вдоль верхнего течения Дуная и Ретеля: купцы перевозили воск, лошадей и рабов. Раввинские тексты свидетельствуют о том, что европейские общины вскоре после их обоснования в Майнце, Аугсбурге, Регенсбурге и Праге стали отправлять торговые караваны через Краков и Перемышль до Киева. Наконец, В. М. Потин доказал, что серебряные немецкие денариусы поступали на Русь в середине X в. в основном из Рейнской области, Кельна и главным образом из Майнца⁷¹. Напомним, однако, что Либуций, первый посвященный епископ для Руси, был монахом монастыря св. Альбана и что его преемника Адальберта выбрали вследствие интриг Майнцкого архиепископа. Следовательно, в момент посвящения в епископы и тот

⁶⁸ Santifaller L. Zur Geschichte des Ottonisch-Salischen Reichskirchensystems. Wien, 1964, S. 279.

⁶⁹ Dvornik Fr. Les Slaves: histoire et civilisation de l'antiquité aux débuts de l'époque contemporaine. Paris, 1970, p. 180—181.

⁷⁰ Vernadsky G. Op. cit., p. 40.

⁷¹ Inquisitio de theoloneis Raffelstettensis. — MGH, Legum 11/2. Hanover, 1897, p. 249—262. Комментарий этого текста был предложен Ф. Цольнером (Zollner F. Rugier oder Russen. Mitteilungen des Institutes für Österreichische Geschichtsforschung, 1952, 60, S. 108—119) и А. П. Новосельцевым и В. Т. Пашуто (Внешняя торговля древней Руси до середины XIII в. — История СССР, 1967, № 3, с. 80—103). О месте евреев в этой торговле см.: Brutzkus J. Der Handel der Westeuropäischen Juden in Deutschland, 1931, S. 101—105; *idem*. Trade with Eastern Europe 800—1200. — Economic History Review, 1943, 12, p. 33; Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968, с. 115—172, табл. 16.

и другой имели тесные связи с Майнцем, экономические контакты которого с русскими засвидетельствованы лучше всего. Но в отличие от торговли с Византией торговля, которую поддерживали русские с Западом, не была государственным предприятием⁷² — она находилась в значительной степени в руках еврейских купцов. Мы полагаем, что именно для устранения этого положения Ольга попыталась заключить с германским королем договор, аналогичный тем, которые были заключены с Византией: тогда торговля с Западом контролировалась бы правителем Киева и питала княжескую казну. Но в Западной Европе X в. организация товарообмена с иностранными государствами решительно отличалась от византийской практики, поэтому переговоры не имели успеха, и тогда можно объяснить молчание об этом Адальберта.

Что касается крещения Ольги, то германский хронист подтверждает русские источники и более поздние византийские хроники, согласно которым церемония якобы имела место в Константинополе, но дает совершенно другую хронологию: Ольга, вероятно, приняла крещение до конца 959 г., русское посольство отправилось к Оттону, по-видимому, незадолго до этого, так как слова «sub imperatore Romano» не позволяют относить дату крещения ко времени ранее 9 ноября 959 г., даты кончины Константина VII⁷³, тогда как, согласно Повести, последний был крестным отцом Ольги. Но это *terminus a quo*, определяемый на основе анализа немецкой Хроники, подтверждается Константином Багрянородным, который в 957 г. говорит об Ольге как о языческой княгине. Нам кажется поэтому, что его нужно оставить вопреки сообщениям русских источников, свидетельство которых, как мы видели, сомнительно.

Кроме того, дата 959—960 гг. может быть косвенно подтверждена другими событиями. Конец 959 и начало 960 г. были отмечены интенсивной дипломатической и военной активностью в отношениях между Русью и Византийской империей, вызванной положением на Средиземном море, где обосновавшиеся на Крите арабские корсары делали жизнь населения империи невыносимой. После нескольких неудачных попыток отвоевания острова Роман II в 959 г. доверил организацию нового похода Никифору Фоке. Последний постарался заручиться помощью русских наемников и присутствие их отрядов действительно засвидетельствовано в Константинополе в 960 г.⁷⁴ Этой инициативе, позволившей отвоевать Крит в 961 г., вероятно, предшествовали переговоры между русскими и византийцами. Нельзя ли предположить, что во время этих переговоров 959 г. Ольга приняла крещение, может быть, непосредственно от ведущих переговоры византийцев, которыми чаще всего были церковнослужители.

В этом случае ей могли дать имя правящей императрицы Елены, вдовы Константина VII и матери Романа II; как известно, она была отправлена в монастырь только в начале 960 г.⁷⁵ Эта последняя дата подтверждает устанавливаемый для крещения Ольги *terminus ante quem*, которым является дата миссии Адальберта (конец 961 г.). Но русская княгиня крестилась персонально, что одновременно объясняет молчание современных источников о самой церемонии крещения и трудностях, которые встретил Адальберт, прибывший в Киев в разгар языческой реакции.

Остается решить вопрос о месте крещения. Все источники относят его к Константинополю. Следовательно, если принять предлагаемую нами

⁷² Gieysztor A. Local Markets and Foreign Exchanges in Central and East Europe before 1200. — *Kwartalnik Historii kultury materialnej*, 1966, 14, suppl., p. 762.

⁷³ Едва ли можно принимать во внимание провозглашение соправителем Романа II (6 апреля 945 г.), так как эти наследственные распоряжения византийского двора, вероятно, не были известны германскому Западу.

⁷⁴ Schlumberger G. Un empereur byzantin au Xe siècle, Nicéphore Phocas. Paris, 1890, p. 46—67.

⁷⁵ Ibid., p. 22—28.

дату, нужно или предположить вторую поездку Ольги в Константинополь, что маловероятно для такого короткого промежутка времени (958—959), или продление пребывания 957 г., что тоже трудно допустить. Нужно, таким образом, оставить гипотезу о крещении в Киеве, совершенном или византийскими священниками-дипломатами, или местным, греческим или славянским, клиром⁷⁶. Как же в последнем случае объяснить ошибку источников, в частности самого древнего — Продолжателя Хроники Региона Прюмского? Возможно, ошибочная информация, сообщенная германским хронистом, была умышленно передана Адальберту или русскими кругами, уже обращенными в византийскую христианскую веру, или греческим клиром Киева, так как те и другие враждебно относились к прибытию латино-германских священников, прозелитизм которых был известен в славянских странах с IX в.⁷⁷

В дальнейшем традиция о крещении Ольги в Константинополе могла закрепиться после того, как Владимир, в свою очередь, принял крещение по греческому обряду и официально ввел Русь в византийскую ойкумену. Таким образом, Скилица-Кедрин и Зонара могли объединить посещение Ольгой Константинополя в 957 г. и ее крещение в 959 г., два события, очень близкие хронологически, поскольку крещение русской княгини в императорской столице льстило «греческому ортодоксальному патриотизму» византийских интеллектуалов XI и XII вв.⁷⁸ Русские авторы XI в., принадлежащие к церковной среде, зависящей от вселенского патриарха, могли легко сделать ту же ошибку. В качестве примера смешения в русских источниках разных, но хронологически близких событий можно вспомнить крещение Владимира (январь 988 г.) и взятие Корсуни (весна 989 г.)⁷⁹.

Итак, крещение княгини Ольги имело место, вероятно, в конце 959 г. в Киеве. Присоединение к христианству являлось сугубо частным актом и не имело серьезных последствий для молодого Русского государства. Значение этого события было, однако, преувеличено церковными греко-русскими кругами XI в., тогда как в последующие за крещением Ольги годы его затмили политические перемены, наступившие в византийско-русских отношениях в конце правления Романа II, попытка Ольги установить торговые связи с Западом, наконец, языческая реакция в правление Святослава,

Но если сугубо религиозное значение такого события, как крещение Ольги, не нужно переоценивать, то изучение его политического контекста позволяет сделать интересные выводы. Действительно, правление Ольги свидетельствует о становлении и укреплении Киевского государства как во внутреннем, так и в международном плане. Мы уже знаем, что вдова Игоря создала административный аппарат для взимания дани⁸⁰; ее попытка обратить в пользу государства прибыль от торговли Руси с Западом была подчинена той же цели — укреплению материальной базы молодого Киевского государства. В международном аспекте Киевская Русь утверждается одновременно и как новая держава⁸¹, и как фактор стабильности, искусно используемый Византией в этом регионе. Что касается короля Германии, он увидел здесь только одно из средств для реализации своего устремления — достижения императорской короны. Впоследствии не известно о какой-либо новой серьезной попытке латинской церкви подчинить Русь вплоть до XIII в.: политико-религиозные отношения с Западом в отличие от торговых связей останутся эпизодическими.

⁷⁶ *Dvornik Fr. Les Slaves. . .*, p. 180.

⁷⁷ *Dvornik Fr. L'évangélisation des Slaves, des Magyars et des Russes. Paris, 1958, p. 142—164.*

⁷⁸ *Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes, p. 63.*

⁷⁹ *Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus'. Byzantine-Russian Relations between 986—89. — DOP, 1976, 30, p. 194—244.*

⁸⁰ *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 151—155.*

⁸¹ *Острогорский Г. Указ. соч., с. 1472—1473.*